

DOI: <https://doi.org/10.31648/apr.6432>

Дата подачи статьи: 29 ноября 2020 г.

Дата принятия к печати: 16 декабря 2020 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.В. ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС И МИФ О НОСТАЛЬГИИ

Галина Романова

Московский городской педагогический университет, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

e-mail: naumenkol@mgpu.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об особенностях художественного воплощения представлений о ностальгии в повести Л.М. Леонова *Evgenia Ivanovna*. Автор выявляет истоки физического и психологического недомогания главной героини в ее прошлом и, отправляя в поездку на окраину покинутой страны, как бы вновь ставит в ситуацию выбора. Увидев свое прошлое в истинном свете, женщина осознала окончательный разрыв связей с родиной, мысленно вернулась в реальную жизнь, обратилась к будущему. Трагическая развязка повести вызывает вопрос об авторской преднамеренности, обусловленной тем, что изображение переживаний литературных героев-эмигрантов отвечало определенным идеологическим задачам, что дает основания для постановки вопроса о формировании мифа о ностальгии в русской литературе советского периода. Особенности авторской позиции становятся яснее при сопоставлении с документальным материалом. Основанием для сравнения повести и воспоминаний о Тырковой-Вильямс стала не только главная тема, но и отдаленное сходство жизненных и сюжетных положений. Ее судьба опровергает многие стереотипы, в том числе миф о ностальгии как о смертельном недуге. Ностальгические настроения, зафиксированные в ее дневниках и письмах и воспроизведенные в воспоминаниях сына, не стали определяющими в ее семейной и общественной деятельности. Писательница сохраняла духовные связи с народом своей страны, а тоска по родине осмыслялась как слабость, преодолеваемая любовью не только к местам, где родилась и выросла, но и к истории родины, ее культуре, верованиям и традициям, свято сохраняемым на чужбине, а также душевным расположением к соотечественникам, нуждающимся в помощи.

Ключевые слова: Л.М. Леонов, *Evgenia Ivanovna*, ностальгия, А.В. Тыркова-Вильямс, воспоминания

Submitted on November 29, 2020

Accepted on December 16, 2020

THE LITERARY ACTIVITY OF A.V. TYRKOVA-WILLIAMS AND THE MYTH OF NOSTALGIA

Galina Romanova

Moscow City University, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

e-mail: naumenkol@mgpu.ru

Abstract: This article deals with the peculiarities of the artistic embodiment of ideas about nostalgia in L.M. Leonov's novel *Evgenia Ivanovna*. The author reveals the origins of the physical and psychological malaise of the main character in her past and, sending her on a trip to the outskirts of the abandoned country, he confronts her again with a choice. Seeing her past in its true light, the woman realized the final break up with her motherland, mentally returned to real life and faced the future. The tragic ending of the story raises the question of the author's premeditation, due to the fact that the depiction of the experiences of emigrants in literature met certain ideological functions, which gives grounds for raising the question of the formation of the myth of nostalgia in Russian literature of the Soviet period. The details of the author's position become clearer when they are with the documentary material. The comparison of the story and Tyrkova-Williams's memories is justified because of the above mentioned theme of nostalgia and the similarities between the plot and real life events. Her fate refutes many stereotypes, including the myth of nostalgia as a deadly disease. The nostalgic moods, recorded in her diaries and letters, and reproduced in her son's memoirs did not dominate her family and social activities. The writer maintained spiritual ties with the people of her country, and homesickness was interpreted as a weakness which she overcame by loving not only the places where she was born and grew up, but also the history of the motherland, its culture, beliefs and traditions, carefully preserved in a foreign land, as well as a sincere disposition towards compatriots in need of help.

Keywords: L.M. Leonov, *Evgenia Ivanovna*, nostalgia, A.V. Tyrkova-Williams, memories

Чувство ностальгии, как изнуряющей человека тоски по родному дому или прошлому, с XVII в. привлекало внимание ученых: врачей (И. Хофер), философов (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Ф. Ницше, А. Бергсон, Г. Хайдеггер, П. Рикёр и др.), социологов (И. Хальбвакс и др.), психологов (К. Ясперс), культурологов (Б. Дубин, С. Бойм и др.). В художественной литературе мотив ностальгии литературоведы обнаруживают уже в поэмах Гомера. В XX в. в читательском сознании сложился определенный комплекс представлений о ностальгии, сформированных в ходе литературного развития, что позволяет говорить о типизации и мифологизации данного явления в художественном творчестве. Доказано, что ностальгия, показанная в литературе как глубоко интимное чувство, во многом определяется общественными настроениями, обусловлена социально [Хальбвакс 2007], связана с понятием гражданской ответственности. Кроме того, изображение тоски по дому и прошлому, характерное для литературного творчества, в значительной степени предопределено и читательскими ожиданиями. Как отмечает исследователь, литература может ориентировать «реального читателя не на актуализацию собственного опыта и поиск связей с опытом общечеловеческим» [Добренко 1997, 108], но требовать подчинения историческим условиям, обозначенным как «требования данного этапа развития общества» [Добренко 1997, 108]. Историческая ситуация, в свою очередь, обусловлена политическими задачами. Так, сопоставляя эмиграцию при царском режиме и после революции, А.В. Тыркова-Вильямс писала: «Эмиграция духовно и физически питалась русскими соками. Не было беспощадной оторванности от родины, которая 15 лет спустя, легла таким гнетом на белую эмиграцию» [Тыркова-Вильямс 1990, 192]. Утрата российского гражданства и осознание невозможности возвращения и воссоединения с близкими людьми, обусловили специфику художественного изображения переживаний литературных героев-эмигрантов.

Мысленная обращенность литературных героев-эмигрантов к прошлому и связанные с этим переживания и размышления приобрели определенный этический и эстетический смысл, изображение стало выполнять отчасти дидактические и идеологические функции. Соответственно, возникает вопрос об особенностях художественного воплощения идеи ностальгии, реализации ее в характерах персонажей, в сюжетных схемах и конфликтах. Специфика литературного факта, особенности творческой типизации становятся яснее при сопоставлении его с реальным явлением, т.е. привлечением мемуарного материала. Поставленные задачи решаются в предлагаемой статье с использованием культурно-исторического подхода на примере

изображения ностальгических настроений в повести Л.М. Леонова *Evgenia Ivanovna* (1963) с фиксацией подобных чувств русской писательницей и журналисткой Тырковой-Вильямс (1869–1962) в ее дневниках и письмах, в воспоминаниях ее сына. Основанием для сопоставления является не только основная тема – ностальгия, но и отдаленное сходство положений: необходимость покинуть родину, сложности эмиграции, супружество с англичанином-интеллектуалом, прекрасно знавшим русский язык. Муж Тырковой Гарольд Вильямс – журналист ведущих лондонских изданий, освещавший события в России, – прекрасно знал язык и историю страны, в которой работал, искренне любил семью своей русской жены. Герой повести Леонова также «в давние студенческие годы» владел русским языком «настолько, что в курсовой работе сравнивал литературный стиль *Слова и Задонщины*» [Леонов 1983, 8, 132].

В русской литературе XX в. тоска по дому (как переводится с греческого языка слово ностальгия) – одно из основных понятий в размышлениях о возможности русского человека адаптироваться к жизни в другой стране, актуальных при изучении истории русской эмиграции всех этапов. Невозможность ощутить полноту бытия проявляется в настойчивом и навязчивом мысленном возвращении на родину (место прежнего пребывания), мешающем активной деятельности на чужбине и подтачивающем волю и силу. Эта тема развивается в 1920–1930-е гг. в произведениях эмигрантов и писателей, оставшихся на родине. Связанная с темой ностальгии проблематика осмысливается в ряде произведений Леонова – в пьесах *Метель* (1940) и *Нашествие* (1942). Но первым опытом была его повесть *Evgenia Ivanovna*. По словам автора, сказанным в интервью 1987 г., она была задумана уже в 1920-е гг. и тема ее была актуальна: «...тема “Евгении Ивановны” проходит через три произведения сразу. Это был тогда кульминационный вопрос» [Шраер, online]. Как констатирует современный критик, «такой пронзительной прозы и на столь болезненную тему никто и не ожидал» [Прилепин 2010, 433].

Леонов показывает ностальгические переживания как сложный комплекс ощущений. Самое очевидное и необъяснимое проявление – физиологическое «недомогание от изменения климатических условий, разрыва с привычной средой, обедненного общения с людьми на чужом языке» [Леонов 1983, 8, 195]. Так, повествователь констатирует перепады настроения героини и ее самочувствия: «необузданная радость бытия сменялась холодом томления и одиночества», «...вдруг накануне получения английского паспорта, когда для Евгении Ивановны открывалась дверь в желанное,

обеспеченное будущее, независимое в ее положении от страха, голода или чужой низменной воли, она необъяснимо заболела» [Леонов 1983, 8, 149].

В повести Леонова ясно выражена мысль о том, что ностальгия – явление, вызванное не столько пространственными перемещениями, сколько психологическими проблемами. Акцентирование повествователем ряда деталей в художественном мире повести указывает на то, что тоска героини по родине (маленькому степному городку, маминему домику с мальвами в палисаднике) на самом деле является мечтой о возвращении в прошлое, в свое детство. Ее ностальгия обусловлена чувством вины (перед матерью, первым мужем, о предательстве которого героиня еще не подозревает). Писатель, не причислявший себя к последователям психоанализа, использует методику этого направления: он выявляет истоки физического и психологического недомогания Евгении Ивановны в прошлом и на краткий срок как бы погружает ее вновь в ситуацию выбора. Внимательный и любящий Пикеринг устраивает поездку на окраину страны, которую оставила героиня, где она встречается с первым мужем. Она получает возможность вновь пережить тяжелые моменты своего прошлого и увидеть все в истинном свете. Два дня, проведенные в Кахетии, общение с советскими людьми и встреча со Стратоновым дали возможность осознать окончательный разрыв связей с родиной, полностью вернуться в реальную жизнь:

Евгения Ивановна узнала это не с желанным чувством облегчения, а – какой-то щемящей, виноватой тревоги и уже ничем не возместимой утраты. Теперь она была начисто избавлена от печалей бывшей родины, от нынешних ее бед и тех, что поджидали всех этих людей впереди, от порою непосильных трудов и переживаний эпохи, роднивших их, как грозный исторический пароль [Леонов 1983, 8,194].

Так, был стерт тоскливый, мучающий героиню «второй, тайный план в жизни» [Леонов 1983, 8, 150] и появилось желание принять английский мир, думать не только о себе, в ее речи появляется личное местоимение *наш* со словами *дом, Лидс, Лондон*: «Вдруг мне ужасно захотелось домой... никуда больше, только домой!.. но я совсем не представляю себе, док, это очень далеко от Лондона, наш Лидс? ... Наш дом далеко от университета? А какая-нибудь церковь тоже найдется в окрестности?» [Леонов 1983, 8, 192] и т.д.

Заключительный комментарий всеведущего повествователя придает трагический смысл не только страстному желанию Евгении Ивановны уехать на родину своего мужа, «где ей предстояло умереть весною следую-

щего года» [Леонов 1983, 8, 195], но и сути ностальгии – явлению еще недостаточно изученному и не поддающемуся полному излечению.

Проблема, поставленная в повести, гораздо шире: можно ли сохранить себя маленькому слабому человеку в исторической катастрофе. Можно выживать, как Стратонов, предавая, пресмыкаясь, «в озлобленье постоянного страха» [Леонов 1983, 8, 160]. Погибает глубоко порядочная и искренняя Евгения Ивановна. Счастье умного, доброго, любящего Пикеринга эфемерно и мимолетно. Тема ностальгии переплетается с мотивом трагичности судьбы, избежать которой невозможно, даже при условии случайного везения.

Автор максимально использовал художественный потенциал специфического жанра повести, ассоциирующегося преимущественно с русской литературой. Изящная композиция, сюжетная схема с чертами архаического мифа, глубокое проникновение в характеры главных героев отличают повесть Леонова. Культурная память (и компетентность) героини включает в себя аспекты географический, лингвистический, литературный, искусствоведческий, а также отголоски национальных стереотипов (в Лондоне «говорят (...) только дым да камень и ни капельки души... неужели верно это?») [Леонов 1983, 8, 134]), конструируется с помощью экфрасисов, цитат и реминисценций, в том числе библейских, литературной типологии, которая узнается в суждении о себе, как о «маленьком человеке»: «людям большого ума легче, чем нам, маленьким, пускать корешки в чужую почву» [Леонов 1983, 8, 152].

Литературное изображение (характера, психологии, отдельных переживаний), давая обильную пищу для размышлений и постановки актуальных проблем, не всегда соответствует исторической действительности, сопоставление с которой выдает авторскую преднамеренность. Тем не менее, многие факты из жизни литераторов русского зарубежья свидетельствует о том, что, несмотря на тяжелейшие переживания, у них хватало сил для преодоления депрессивных (выражаясь современным языком) настроений. Так, например, размышления о жизни в эмиграции, разбросанные в воспоминания и письмах Тырковой-Вильямс, значительно расширяют представления о ностальгии. Благодаря жизненной силе, огромному запасу энергии, жажде деятельности, ей удалось собрать вокруг себя семью (муж, мать, семьи двоих детей), стать известной журналисткой, написать исследование о Пушкине, книгу о муже (на английском языке), воспоминания. Двадцать лет она возглавляла Общество помощи русским беженцам.

Имя и произведения Тырковой-Вильямс начали входить в читательский оборот с 1998 г., когда в серии «Жизнь замечательных людей» в России впервые

была издана ее книга *Жизнь Пушкина* [Тыркова-Вильямс 1998]. В предисловии известный историк литературы русского зарубежья О.Н. Михайлов одним из первых в российском литературоведении дал краткий, но емкий обзор ее литературного творчества. В настоящее время в общем доступе в интернете размещены ее воспоминания (*То, чего больше не будет*, 1954; *На путях к свободе*, 1952; а также воспоминания журналиста А. Бормана и т.д.). Ее имя упоминается в связи с жизнью и деятельностью многих писателей и поэтов русского зарубежья. На рубеже XX и XXI вв. художественное творчество писательницы и журналистки все чаще становится предметом не только исторических, но и литературоведческих исследований [Казнина 1997; Смит 2000; Прайс 2007].

Первый раз Тыркова эмигрировала из России по политическим причинам еще до революции, и уже тогда ощутила в полной мере тоску по дому. Как свидетельствует ее сын, в ненапечатанном варианте *Воспоминаний* (глава 34-ая, стр. 660-ая) она пишет:

Тюрьма, болезнь, житье на чужбине временно притушили во мне всякое желание писать. Мне казалось, что эта способность угасла навсегда. Это было больно, это меня пугало, но я крепилась, свернула, застыла, как застывают на зиму жук, пчела. Вернувшись в Россию, я сразу оттаяла. У меня опять была родина, семья, дом. Опять писалось быстро, легко [Борман 1964, 84].

Писательница умела скрывать «свое горе, свою тоску разлуки. Иногда ее охватывал совершенный мрак. Ей временами казалось, что она сходит с ума» [Борман 1964, 238].

Окончательно покинув Россию в пятидесятилетнем возрасте, в эмиграции Тыркова-Вильямс прожила еще сорок лет, активно занимаясь политической, журналистской, благотворительной, литературной деятельностью. Ее судьба опровергает многие стереотипы, в том числе миф о ностальгии как о смертельном недуге. Психологические, а не пространственные или временные причины тоски подтверждаются тем, что Тыркова преодолевала ее общением с соотечественниками, испытывающими в эмиграции нужду. Среди них С.Н. Булгаков, И.А. Бунин, Н.А. Тэффи, Б.К. Зайцев, М.И. Цветаева; она помогала А. М. Ремизову, И. С. Шмелеву, А. И. Куприну и др.

Сын писательницы, известный журналист А. Борман писал в своей книге *А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына*:

Россию, территорию, государство, она заменила в эмиграции русской средой и русской церковью. Куда бы ее ни забрасывала судьба, она сразу окружала себя

русскими людьми. К ней всегда поступали письма от русских со всех концов мира. Соотечественники ее всегда находили и искали ее моральную или физическую поддержку. Она всегда устанавливала самые дружеские отношения с местным русским православным духовенством [Борман 1964, 191].

Общественная работа протекала отчасти в письменном виде – Ариадна Владимировна переписывалась с русскими эмигрантами, что отвлекало от литературной работы. Ради исследования о Пушкине она установила связи и с английскими интеллектуалами. В предисловии к первому тому в 1928 г. сказано, что материалы о великом русском поэте она смогла найти в Британском музее (архивы, издания XIX в.) и в Лондонской библиотеке (новейшие издания по Пушкину, в том числе российские). При этом она упомянула многозначительный факт: «Директор Лондонской библиотеки... знает русский язык, любит русскую литературу и следит за ней» [Тыркова-Вильямс 1998, 1, 27]. В предисловии ко второму тому появилась интересная мысль, объясняющая многое в эмигрантской жизни: «Оба тома я написала в Лондоне и оба тома печатаю в Париже. Это не мешало мне во время работы мысленно жить в тогдашней, пушкинской России» [Тыркова-Вильямс 2007, 2, 5]. Мысленная жизнь в другом времени, в другом географическом пространстве, видимо, примиряла с настоящим.

Тыркова-Вильямс хранила верность идеалам и этическим ценностям интеллигенции, оказавшейся в эмиграции: любовь к родине, к своей семье как малой части родины, почитание православных традиций, преклонение перед русской культурой и литературой. В краткой автобиографии, опубликованной в 1959 г. она отметила:

Я считаю, что судьба была ко мне замечательно щедрой. Много трудного, пасмурного, настоящего горя. Много было ошибок и заблуждений. Но много и радостей. ... Я отмечаю светлые стороны моей жизни. Ее трудные, темные полосы неразрывно связаны с трудностями, с мраком, которые то сгущались, то расходились над Россией, ранили миллионы русских сердец. Эту боль я разделяла и разделяю (...) [Борман 1964, 10].

Тщательно соблюдались традиции русской православной церкви. По словам Бормана, «для русской эмиграции от большевиков церковь превратилась в часть России, в какой-то степени она заменила и продолжает заменять Россию» [Борман 1964, 62]. Надежда на Творца, покровительство святых угодников не оставляли русскую писательницу на чужбине: «Так много кругом боли, несчастья, что бы люди делали без невидимых

заступников» [Борман 1964, 314]. Однако религиозность, как можно предположить, была во многом рассудочной: «Я православная и не только сердцем, но и умом» [Борман 1964, 316-317].

Как вспоминал ее сын,

оцерковление маминой жизни в значительной степени связано с изгнанием. Попав в Лондон, она начала все чаще и чаще ходить в церковь. Возможно, что в начале ее тянуло туда, так как там больше чувствовалась Россия. Но глубина и мистическая красота православного богослужения быстро захватили ее. Советские страшные гонения на религию еще больше увеличивают ее тягу к церкви. Она совершенно по-новому для себя начинает воспринимать богослужение. Для нее как бы открывается неведомый до сего невидимый мир [Борман 1964, 322].

Вынужденная жить в другом мире, писательница сохраняла духовные связи с народом своей страны. Тоска по родине осмыслялась как слабость, преодолеваемая любовью не только к местам, где родилась и выросла, но и к истории родины, ее культуре, верованиям и традициям, свято сохраняемым на чужбине, а также душевным расположением к соотечественникам, нуждающимся в помощи. Сохранилась дневниковая запись (от 9 июня 1918 года): «Мы обязаны смотреть через все головы, чтобы видеть только одно лицо – лицо России» [Борман 1964, 164]. Эта перспектива также позволяла преодолевать повседневные горести.

Обобщая все вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам. Художественное изображение и осмысление ностальгии в повести Леонова отражает сложившееся в социуме первой половины XX века представление (миф) о ностальгии как смертельно опасном недуге. Однако авторская преднамеренность, чем бы она не была обусловлена, стереотипы, какие бы основания они не имели, упрощают реальное явление. Размышления Тырковой-Вильямс, запечатленные в ее воспоминаниях и дневниковых записях, а также ее собственная жизнь не только значительно дополняют представления о таком сложном явлении как ностальгия, но и во многом противостоят изображению безысходности эмигрантского существования в русской литературе первой половины XX в. Учитывая этот вывод, в дальнейшей перспективе исследования представляется возможным углубить интерпретацию произведений русской литературы XX в., в которых развивается данная тема.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бойм Светлана. 1999. *Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Илья Кабакова*. (online) <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/39/boym.html> (доступ 20.07.2020).
- Борман Аркадий. 1964. *А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына*. (online) http://borman_tyrkovaviljams_po_pismam_i_vospominaniyam_1964_text.pdf (доступ 20.07.2020).
- Добренко Евгений. 1997. *Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы*. Санкт-Петербург: Академический проект.
- Казнина Ольга. 1997. *Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в.* Москва: Наследие.
- Леонов Леонид. 1983. *Собрание сочинений: в 10 т.* Москва: Художественная литература.
- Михайлов Олег. 2017. «*Два чувства дивно близки нам...*» (Об А.В. Тырковой-Вильямс. В: *Тыркова-Вильямс А.В. Жизнь Пушкина*). (online) <http://pushkin-lit.ru/pushkin/bio/tyrkova-zhizn-pushkina-1/mihajlov-dva-chuvstva.htm> (доступ 18.10.20).
- Прайс Наталья. 2007. *Родина и чужбина: публицистика Д.С. Мирского и А.В. Тырковой-Вильямс в Англии в 20–40-х годах XX в.* «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение» № 2: 159–163.
- Прилепин Захар. 2010. *Леонид Леонов: «Игра его была огромна...»*. Москва: Молодая гвардия.
- Смит Александра. 2000. *Формирование литературного канона в книге Ариадны Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина»*. В: *Пушкинские чтения в Тарту 2. Материалы международной научной конференции, 18–20 сентября 1998 г. Т. 2.* Тарту: Tartuskiü universitet, Kafedra russkoï literatury: 267–281. (online) <http://www.ruthenia.ru/document/385293.html> (доступ 20.07.2020).
- Тыркова-Вильямс Ариадна. 1998. *Жизнь Пушкина: в 2 т.* Москва: Молодая гвардия.
- Тыркова-Вильямс А.В. 1990. *На путях к свободе*. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd.
- Хальбвакс Морис. 2007. *Социальные рамки памяти*. Москва: Новое издательство.
- Шпраер Максим. 2016. *Предсмертный портрет Леонида Леонова. 1993*. (online) <https://eta-zhi-lit.ru/publishing/literary-kitchen/271-predsmertnyy-portret-leonida-leonova.html> (доступ 20.07.2020).

REFERENCES

- Bojm Svetlana. 1999. *Konecz nostalgii? Iskusstvo i kul`turnaya pamyat` koncza veka: Sluchaj Il'i Kabakova* [The end of nostalgia? Art and cultural memory of the end of the century: the case of Ilya Kabakov.]. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/39/boym.html> (Accessed 20 July 2020). (In Russian)
- Borman Arkadij. 1964. *A.V. Tyrkova-Vil'yams po ee pis'mam i vospominaniyam sy'na*. [A.V. Tyrkova-Williams based on her letters and her son's memoirs]. Available at: http://borman_tyrkovaviljams_po_pismam_i_vospominaniyam_1964_text.pdf (Accessed 20 July 2020). (In Russian)
- Dobrenko Evgenij. 1997. *Formovka sovetskogo chitatelya. Social'ny'e i e'stetcheskie preposy'lki recepcii sovetskoj literatury* [Shaping of the Soviet reader. Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature]. Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt. (In Russian)
- Hal'bvaks Moris. 2007. *Social'ny'e ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Kaznina Ol'ga. 1997. *Russkie v Anglii: Russkaya e'migraciya v kontekste rusско-anglijskix literaturny'x svyazej v pervoj polovine XX v.* [Russian in England: Russian emigration in the context

- of russian-english literary connections in the first half of the twentieth century] Moscow, Nasledie. (In Russian)
- Leonov Leonid. 1983. *Sobranie sochinenij: v 10 t.* [Collected works in ten volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura. (In Russian)
- Mihajlov Oleg. 2017. “*Dva chuvstva divno blizki nam...*” (*Ob A.V. Tyrkovej-Vil'yams* [“Two feelings are wonderfully close to us...”] (About A.V. Tyrkova-Williams). In: Tyrkova-Vil'yams A.V. *Zhizn' Pushkina* [The Life of Pushkin]. Available at: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/bio/tyrkova-zhizn-pushkina-1/mihajlov-dva-chuvstva.htm> (Accessed 18 October 2020). (In Russian)
- Prajs Natal'ya. 2007. *Rodina i chuzhбина: publicistika D.S. Mirskogo i A.V. Tyrkovej-Vil'yams v Anglii v 20–40-x godax XX veka* [Homeland and foreign land: journalism by D.S. Mirsky and A.V. Tyrkova-Williams in England in the 20–40s of the XX century]. “*Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*” no 2, pp. 159–163. (In Russian)
- Prilepin Zahar. 2010. *Leonid Leonov: “Igra ego by'la ogromna...”* [Leonid Leonov: “His game was huge...”]. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)
- Shraer Maksim. 2016. *Predsmertny'j portret Leonida Leonova. 1993* [Deathbed portrait of Leonid Leonov. 1993]. Available at: <https://etazhi-lit.ru/publishing/literary-kitchen/271-predsmertnyy-portret-leonida-leonova.html> (Accessed 20 July 2020). (In Russian)
- Smit Aleksandra. 2000. *Formirovanie literaturnogo kanona v knige Ariadny' Tyrkovej-Vil'yams “Zhizn' Pushkina”* [Formation of the literary canon in the book by Ariadna Tyrkova-Williams “The life of Pushkin”]. In: *Pushkinskie chteniya v Tartu 2*. Tartu, Tartuskii universitet, Kafedra russkoj literatury, pp. 267–281. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/385293.html> (Accessed 20 July 2020). (In Russian)
- Tyrkova-Vil'yams Ariadna. 1998. *Zhizn' Pushkina: v 2 t.* [Pushkin's life. In two volumes]. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)
- Tyrkova-Vil'yams A.V. 1990. *Na putyax k svobode* [On the path to freedom]. London, Overseas Publications Interchange Ltd. (In Russian)

